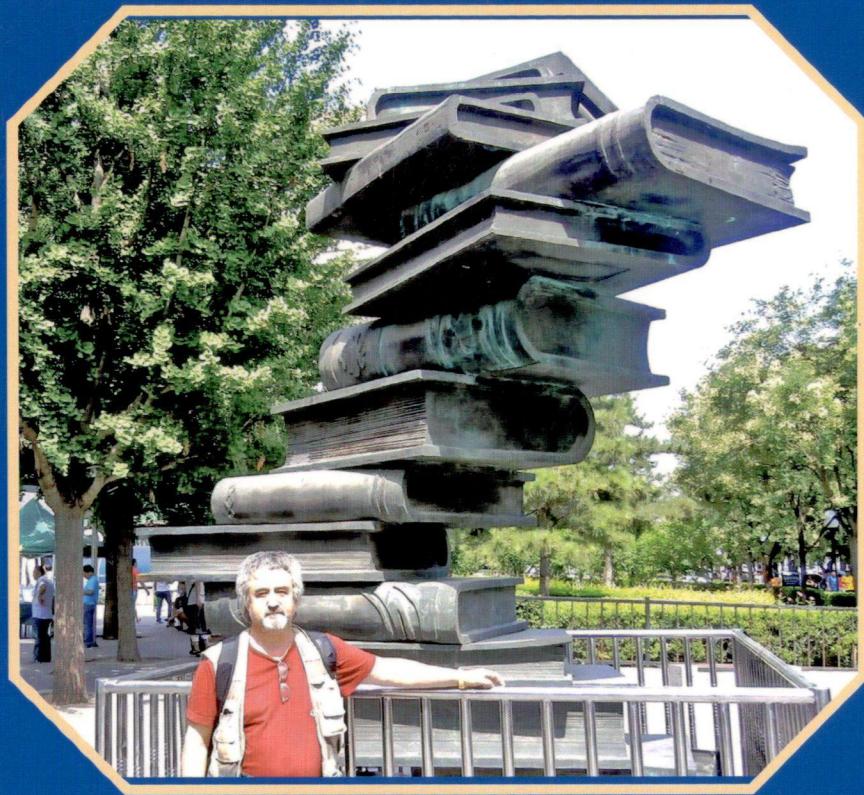

Н.В.АНИСИМЦЕВ

ИСТОРИОГРАФИЯ КИТАЯ И ЯПОНИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Москва
2015

В книге представлены некоторые статьи и публичные выступления, интервью последних лет, посвящённые актуальным проблемам изучения истории и современности Китая и Японии, их взаимоотношений. В книге даётся теоретический анализ взглядов и подходов российской синологии к изучению проблем модернизации КНР в период после 1978 г. Также, освещается история изучения Японии в Китае с древности до наших дней. Некоторые выступления касаются сложных сегодняшних проблем понимания и оценки прошлого во взаимоотношениях Китая и Японии.

Анисимцев Николай Владимирович.
Окончил Санкт-Петербургский государственный университет (1976 г.).
Востоковед-историк, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской Академии Наук (г. Москва). Владеет китайским и японским языками.
Изучает право, идеологию, историографию Китая и Японии. Опубликовано свыше 50 научных работ.

**УДК 94(510+520):930
ББК 63.3(5Кит) + 63.3(5Япо)
А67
ISBN 978-5-9906970-2-7**

- A67 Историография Китая и Японии: актуальные вопросы и тенденции – Н.В. Анисимцев. – М.: Типография «ВАШ ФОРМАТ», 2015. – 170 с.**

В книге представлены статьи и публичные выступления, интервью последних лет, посвященные проблемам изучения истории и современности Китая и Японии, их взаимоотношений. В книге дается теоретический анализ взглядов и подходов в российской синологии к изучению проблем модернизации КНР в период после 1978 г. Также, освещается история изучения Японии в Китае с древности до наших дней.

ISBN 978-5-9906970-2-7

9 785990 697027

УДК 94(510+520):930
ББК 63.3(5Кит) + 63.3(5Япо)

© Анисимцев Н.В., 2015

Фото на первой обложке: скульптура перед книжным магазином «Сидань», г. Пекин

Теоретические проблемы модернизации КНР: очерк российского китаеведения (1978-2015 гг.)

В статье даётся аналитический обзор исследований российскими учёными-синологами преобразований в КНР «периода реформ и открытости» (с 1978 года). Автор исследует понятия «модернизация», «контемпораризация». К числу основных черт, особенностей освещения российским китаеведением преобразований в Китае, а также, и самих преобразований автор относит евразийство, градуализм, «публицизм». Представлены разные аспекты, направления китаеведческих исследований – цивилизационная и идеологическая проблематика, экономические исследования, проблемы становления гражданского общества, реформирования политической системы, исследования исторического ретроспективного характера.

Основные термины: модернизация, контемпораризация, евразийство, градуализм, публицизм.

Масштабные реформы, всесторонние преобразования, начало которым положено решениями 3-го пленума ЦК КПК XI-го созыва, состоявшегося в ноябре-декабре 1978 г., получившие в нашей литературе наименование «модернизация» КНР, уже свыше трёх десятков лет являются предметом внимания, анализа многих отечественных учёных. Даже не претендуя на охват всего богатства российской науки по данному предмету, тем не менее, можно констатировать, что достигнуты весомые результаты в сборе материала, анализе, понимании и прогнозировании самой новейшей истории КНР, и эти результаты заслуживают того, чтобы стать материалом специального историографического исследования.

Попытки подобного историографического исследования ранее уже предпринимались в отечественной синологии¹.

¹ Васильева Е.А. Китайская модель модернизации в работах отечественных исследователей <http://izvestia.asu.ru/2010/4-3/hist/TheNewsOfASU-2010-4-3-hist-05.pdf>; Островский А. Китайская экономическая реформа в новейшей российской историографии (1991 - 2000) / Проблемы Дальнего Востока, 2013, №6, сс.65-75.; Смирнов Д.А. Изучение политической

Исследователи-историографы отметили, что само изучение модернизации Китая, и, в широком смысле, наиновейшей истории КНР прошло несколько различных этапов.

Первый период с начала реформ в КНР в СССР и России внимание к китайским реформам характеризовалось скептической реакцией. Позднесоветское руководство воспринимало мир догматически: оно либо замалчивало реальные перемены в Китае, либо расценивало их как ревизионистские отступления от марксизма-ленинизма и "генеральной линии" КПСС.

Пришедшие им на смену радикально-либеральные реформаторы оказались ещё более фанатичными приверженцами догм (теперь либеральных) и так же предпочитали игнорировать успешный опыт развития КНР: ибо успехи китайских реформ, протекавших под руководством коммунистической партии и в хорошо продуманном стиле, приносившие КНР реальные улучшения всех сторон жизни, бросали тень на бездумную антисоциальную и радикальную идеологию российских "младореформаторов". Общее пренебрежение к науке, планированию, характерное правлению тех лет, было дополнено и "классовой" антипатией к китаеведению, проявившейся и в отсутствии социального государственного заказа на синологические исследования, и в пренебрежении кадрами учёных-специалистов, которые часто были вынуждены оставить свою профессиональную стезю. Не удивительно, что на этом фоне расцветали профаные суждения дилетантов и политически ангажированных личностей, которые то предрекали скорый кризис Китаю, то приписывали его успехи исключительно магической силе отдельных новшеств либерально-рыночной природы.

системы и правового строительства в КНР: подходы и оценки в трудах российских исследователей в 1990-е годы / Проблемы Дальнего Востока, 2013, №6, сс. 76-88.; Виноградов А. Изучение моделей развития Китая в России в 1990-х годах /Проблемы Дальнего Востока, 2013 №2, сс. 137-145.

Подобным тенденциям противостояли учёные-синологи, в большинстве своём работавшие под сенью Института Дальнего Востока РАН, возглавляемого академиком М.Л.Титаренко. С конца 1980-х и в 1990-х годах, они, основываясь на всестороннем анализе развития КНР (ВВП которой к середине 1990-х годов сравнялся с российским), смогли в своих трудах создать объективную картину бесспорных успехов развития экономики и общества КНР, при этом одновременно объективно информируя общество о сохраняющихся проблемах и трудностях развития.

Значительную роль в этом сыграли труды М.Титаренко, В.Портякова, А.Островского, О.Борох, Л.Кондрашовой, Л.Бони, Л.Волковой, Г.Ганшина, И.Шевель, Е.Авдокушина, Л.Новосёловой, Е.Селивановой, И.Наумова, П.Каменнова, М.Потапова, и многих других. Они отслеживали важные для понимания трансформации КНР проблемы соотношения государственного регулирования и рыночного саморегулирования, объективно оценивали реальные достижения истекшего «периода реформ и открытости», взвешенно прогнозировали вероятность полного перехода к рыночной экономике и соответствующей трансформации социально-политических институтов. Их суммарными усилиями, предпринимавшимися на фоне прогресса растущей китайской экономики, удалось преломить негативные тенденции в изучении и осмыслиении китайского эксперимента, отстоять объективно-научный подход в китаеведении.

Новый этап в развитии китаеведения обозначился с конца 1990-х годов. К этому времени либерально-экономический радикализм по образцам «واشنطنского консенсуса» растерял в России свой первоначальный кредит доверия, продемонстрировав свою бесплодность и пагубность на российской почве. С другой стороны, Китай успешно вышел из азиатского экономического кризиса 1997-1998 гг. На этом фоне в России произошла смена высшего

государственного руководства. Перемены отразились и в существенном оживлении китаеведческих исследований в стране. С этого времени китайский путь развития в понимании научной общественности получает прочный статус самостоятельной модели социального развития. Исследования расширяются не только в количественном измерении; принципиально расширяется их тематика – объектом всё более многочисленных исследований становятся все прочие аспекты общественного развития Китая, изучение КНР приобретает подлинно комплексный характер. Модернизация Китая с этого времени оказывается в фокусе научного и политического внимания широких кругов российских учёных-международников, ареной идеиного столкновения различных научных школ и политических направлений.

Научная литература, посвящённая рассмотрению преобразований современного Китая, начавшихся в 1978 году, демонстрирует впечатляющее разнообразие научных подходов и интересов, концепций и точек зрения, взглядов и оценок.

Изобилуют исследования экономического характера. Но всё больше появляется и работ исторического, цивилизационного, философского, политологического, правоведческого характера. Модернизация КНР предстаёт как «переход от командно-административной экономики к рыночной», и одновременно как строительство «социализма с китайской спецификой». Некоторые исследователи говорят о международном значении китайского опыта модернизации, другие настаивают на его уникальности.

Среди наиболее удачных опытов краткого, но ёмкого теоретического описания и определения китайской модернизации стоит выделить, к примеру, выступление Салицкого А.И¹, а среди работ самого последнего времени – статью академика Титаренко

¹ Салицкий А.И. Китай: универсальная модель модернизации? – МЭиМО, 2009, №7, сс.43-55.

М.Л.¹ (он исследует социалистический характер модернизации Китая), наблюдения Н.Л.Мамаевой².

С учётом огромного разнообразия концептуальных подходов, точек и углов зрения, тематической многослойности проблем модернизации, есть смысл профессиональный разговор о модернизации КНР начать с предварительного анализа, определения самого понятия «модернизация», чтобы ввести всё многообразие научного потока в некоторое единое русло, систематизированное рассмотрение.

По нашему скромному мнению, термин «модернизация», принятый в современной русскоязычной литературе для обозначения реформ в КНР, не удачен, не вполне корректен, затуманивает важные вопросы, смешивает разные аспекты проблемы. Необходимо взглянуть на реформы КНР в более широкой, всемирно-исторической перспективе.

Современная европейская концепция исторического прогресса является порождением Нового времени, она восходит к позднепреконстантинопольскому мыслителю неаполитанцу Джамбаттиста Вико. Как писал Д.Вико в своём труде «Основания новой науки об общей природе наций» (1725 г.), : «Порядок вещей человеческих таков: сначала были леса, потом — хижины, затем — деревни, после — города, наконец — Академии»³. Вико (о котором К.Маркс писал: «Немало проблесков гениальности») по сути дела предвосхитил позднейшую концепцию развития и смены общественно-экономических формаций на основе развития производительных сил (материальных и культурных) человечества. «Леса» и «хижины» —

¹ Титаренко М. О феномене китайского социализма (размышления по поводу дискуссий о китайском социализме и итогов XVIII съезда КПК) / Проблемы Дальнего Востока, 2013, №2, сс.3-24.

² Мамаева Н.Л. Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. – М.: 2007, сс.12-17.

³ Вико, Джамбаттиста. Основания новой науки об общей природе наций. // Джамбаттиста Вико. – М.—К.: «REFL-book» — «ИСА», 1994. , с.91

очевидно, это стадии, обозначенные позднее Ф.Энгельсом, как дикость и варварство, соответственно. «Деревни» – аграрные культуры, «города» – индустриальные культуры и общества, «академии» – пост-индустриальная стадия, информационное общество как высшая ступень развития человечества.

Особенною, привлекательной чертой исторической концепции Вико является «градуализм», представление о постепенности, поэтапности исторического развития человечества. Поэтапность – это не просто плавность развития и преобразований, отсутствие рывков и толчков, революций. Градуализм рассматривает исторический прогресс *вне связи с его социальными формами*, просто как процесс восхождения человечества по ступеням материального и культурного развития, как подъём производительных сил. Ценность концепции Вико в том, что она помогает избежать серьёзного заблуждения: популярная среди марксистов концепция «диалектической спирали» смены общественно-экономических формаций может истолковываться так, что смена социальных форм является самодовлеющим процессом, прогрессом самим по себе, и смысл социальных перемен не подчинён задаче роста, качественного взвышения производительной мощи человечества. Вико – напротив, его концепция придаёт смене социальных форм второстепенное, подчинённое положение, а технологическому развитию человечества отводит приоритетное значение.

И, сколь речь идёт о «модернизации» КНР, то в первую очередь должен вступить в свои права «градуалистский» подход: приоритетное значение в оценке прогресса КНР должно быть отдано именно качественному подъёму производительных сил страны на новый этап, а не просто (как это нередко бывает) «переходу к рынку».

Материально-культурный прогресс всегда опосредован культурно-исторической средой и характеризуется теми или иными

социальными формами. Эти формы могут быть весьма различными, что влечёт и многообразие форм «модернизации».

Термин "модернизация" восходит к латинскому корню "moderн" (новый). И в западной, и в марксистской интеллектуальной традиции (а КНР – страна не только конфуцианской, но и марксистской культуры) понятие "Новое время" обозначает эпоху всемирной истории, основным содержанием которой является утверждение, становление, развитие, загнивание и гибель капиталистической общественно-экономической формации. «Новое время» противопоставляется "Новейшей истории", являющейся периодом становления и развития социалистической общественно-экономической формации с такими её признаками как общественная собственность на средства производства, государство классовой диктатуры, и т.д. Таким образом, "Modern history"(новая) и «модернизация», в отличие от "Contemporary history ("Новейшая история"), должны трактоваться как формирование капиталистического общества. Рассуждая в обще-цивилизационных терминах, «модернизация» должна отличаться и обособляться от «контемпораризации».

Объясняя суть преобразований в КНР, архитектор китайских реформ Дэн Сяопин на встрече в 1979 г. с премьер-министром Японии Охира Масаёси заявил: «Мы собираемся осуществить четыре модернизации (экономики, политики, науки и военного дела - авт.). Это будут четыре модернизации китайского типа. Концепция наших четырёх модернизаций не схожа с концепцией ваших модернизаций - это будет *сюо кан чжи цзя* («среднезажиточная семья» – Н.А.)»¹.

То есть, Дэн Сяопин отметил отличие китайской модернизации от модернизации капиталистической Японии, и при этом он

¹ Цит. по Лукьянов А.Е., Переломов Л.С. Из истории идеологемы сюокан // ПДВ, 2003, №3. сс.26-38.

использовал для обозначения смысла, характера преобразований в Китае не термин «цзиньдайхуа» (近代化 - новый), а термин «сяньдайхуа» (现代化 - новейший). Китайские политики и учёные, общественность употребляют именно термин «сяньдайхуа», который было бы более правильно переводить как «контемпораризация», осовременивание, обновление.

Кстати, на эту особенность китайского понимания реформ обращал внимание ещё Ю.М.Галенович: «В Китае применяется термин СЯНЬДАЙХУА, который иной раз переводят словом «модернизация», хотя ближе к его смыслу понятие достижения уровня современной эпохи во всём мире или передовой части человечества, то есть осовременивание, или осовременивание в нравственном, духовном, политическом и экономическом смысле¹. Правда, заметим, что весьма глубокое замечание Ю.М.Галеновича о некоторой ущербности термина «модернизация» в то же время ограничено интерпретацией замысла реформ в сугубо градуалистском смысле.

Надо признать, что и термин «контемпораризация» тоже не вполне удачен: явление, о котором идёт речь – данный тип общества и характер реформ – не ограничен, не связан исключительно с марксистским миропониманием или только новейшей эпохой всемирной истории. Более правомерно, на наш взгляд, предложить термин из контекста правоведческой науки – «ПУБЛИЦИТЕТ», подразумевая при этом такой тип общества и общественного развития, в котором доминируют отношения императивного характера, нормы публичного права, а не частного/ «цивильного», в силу чего получают мощное развитие государственно-общинные институты в противовес суверенизации индивидов. Термин «публицитет» мы соотносим с

¹ Галенович Ю.М. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2006, с.6.

понятием «цивилизация», описывающим западно-европейского типа общество, где традиционно доминируют «цивильные», т.е. гражданско-правовые отношения

Необходимо признать, что социальные формы, в которые обрамляется материально-культурный многоступенчатый прогресс, обладают значительным многообразием, сложной конфигурацией изменений социального строя.

В советской и российской историографии утвердилась разработанная ещё в 1930-х годах деятелями Коминтерна «пятичленная схема» смены общественно-экономических формаций, согласно которой социальное развитие имеет форму «диалектической спирали»: общества, построенные на основе публично-правовых норм и институтов, поочерёдно сменяются обществами господства частноправовых норм.

Но в действительности учение Маркса сложнее и богаче: Маркс предусматривал не только «спиралевидное», т.е. циклическое развитие, но и возможность «линейно-направленной» конфигурации развития, т.е. когда общество развивается, переходя с этапа на этап, оставаясь при этом в рамках своей традиции, как бы «колеи», сохраняя основные видовые особенности.

И ныне весьма актуальна работа К.Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству»¹ (во времена ожесточённой борьбы за единство мирового коммунистического движения исследователи часто обходили её вниманием). Этот несколько «апокрифический» текст выражает мысль К.Маркса, что древний мир знает три основных способа производства, три типа древнего общества: древняя община по образцу марки у германских народов; там же, где подобная община разложилась, из неё

¹ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. – К.Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. т.46, ч.1, СС.461-508.

выделились свободные индивиды и частная собственность, связанные теперь вещественными рыночными отношениями (это «античная форма», так развивались рабовладельческие полисы Греции и Рима); и наконец, «азиатский способ производства», т.е. централизованные восточные государства, сформировавшиеся как надстройка и продолжение общин и призванные нести функции поддержания общественной инфраструктуры. Важно, что эти три разных уклада сформировались на одном производительном уровне, когда главной формой капитала служили естественные факторы производства – мускульная сила человека и животного, плодородие земли («Главным объективным условием труда является не продукт труда, а находимая трудом природа»¹).

Аутентичный марксизм признавал многоукладность, многовариантность общественного прогресса. В своих рассуждениях К.Маркс намечал как бы разные "коллеи", разные социальные традиции, отражающие конкретные условия разных народов и регионов, в которых отливаются социальные формы этих народов, стоящих на приблизительно одинаковом уровне материально-культурного развития.

Выбор таких социальных форм определяется не только действием абстрактно-универсальных законов, реализующихся независимо от всякого сопротивления среды, он объективно детерминирован конкретными возможностями и необходимостью решения актуальных задач развития. В конкретной среде возникает социальный заказ на применение императивных методов управления или более либеральных методов, соответственно получают признание и поддержку публично-правовые нормы управления или частно-правовые, «цивильные». Публично-правовые нормы вызывают к жизни трансформацию отношений собственности: непосредственное

¹ Там же. С 473.

владение имуществом вытесняется иерархическими отношениями и структурами, или наоборот – собственность отделяется от власти, приватизируется. Публично-правовые нормы дают мощный толчок развитию института государственной власти, а распространение частно-правовых норм порождает феномен суверенного индивида, имеющего права и свободы и несущего полную ответственность по своим и всяким прочим долгам, индивид сам становится микрогосударством. При этом рассматриваемые различные социальные формы могут решать задачи прогресса, принадлежащие к одному материально-культурному уровню, и потому они должны рассматриваться как исторически равноправные модели.

Исторический процесс даёт множество примеров, когда глубокие масштабные преобразования, обновление всей материально-технологической и социально-культурной жизни народов совершаются не посредством применения либерально-рыночных технологий, но, напротив, посредством широкого вмешательства государственной власти в процессы естественно-исторического развития. Напомним ряд исторических precedентов.

Примером могут послужить реформы Петра Первого в России. С подачи либеральной историографии он заслужил репутацию вестернизатора России, «прорубившего окно в Европу». Но, хотя царь Пётр действительно широко заимствовал западные научные знания и технологии (вплоть до эпигонского подражания в бытовых привычках – бритьё бород и ношение немецкого платья), в сфере социальных, политических отношений он был продолжателем дела своего отца Алексея Михайловича, осуществившего «повторное закрепощение» крестьянства. Царь Пётр распространил повинности на холопов, обязав брать с них подати. Также, он поставил «на короткий поводок» дворянство и духовенство, обратив их к государственной службе. Пётр сформировал русский абсолютизм – самодержавное государство.

Он – подлинный основатель Российской империи. Таким образом, реформы Петра Великого явились не «поворотом к рынку и демократии», а мощным шагом по пути возрождения и обновления традиционного евроазиатского «публицистета».

Великим реформатором своей страны был и правивший в первой половине XIX века хедив Египта (1805 – 1848 гг.) Мухаммед Али. Он реформировал армию на европейский манер, провёл аграрную реформу, установил монополию внешней торговли, осуществил реформы образования. Сам он любил себя сравнивать с Петром Великим. И здесь субъектом преобразований выступила государственная власть, а не гражданское общество.

Революция, осуществлённая в Японии в 1867-68 гг. и открывшая путь к капиталистическому развитию страны, имела своей главной революционной партией кланы военно-служилого дворянства – самураев. Но эта революция не свергла, а восстановила монархию, и назначенные императором правительства развернули широкую программу протекционизма промышленным, военным и другим реформам, в конечном итоге превратившим Японию в мощную модернизированную военно-феодальную империю. Показательно, что японские учёные крайне редко называют преобразования императора Мэйдзи "революцией", они говорят об "обновлении/реставрации Мэйдзи" (*Мэйдзи исин*), т.е. сознательно дистанцируются от западно-европейских буржуазных революций, и подчёркивают возвращение к национальным, традиционным корням пути Японии.

Идеи прогрессивного обновления своих стран с решающей опорой на государственную власть оказались популярными и среди государств "третьего мира", обретшими независимость и суверенитет в середине XX века под руководством революционно-демократических элит. «Смысл государственно-политических идей революционных демократов – это отрицание всех форм буржуазного

государства и особенно буржуазного парламентаризма, провозглашение курса на создание народного государства...,- писал К.Н.Брутенц¹. – Все революционные демократы придерживаются принципа смешанной экономики – независимо от того, применяется ли ими этот термин, – во всяком случае в переходный период.... Выдвигая принцип смешанной экономики, революционные демократы одновременно настойчиво подчёркивают необходимость ведущей и доминирующей роли общественного сектора, главным образом в лице государственной, а также кооперативной собственности».

Эти наблюдения советского учёного вполне согласуются и с мнением в прошлом известного либерального учёного-экономиста, крупного эксперта ООН по проблемам «третьего мира» шведа Гуннара Мюрдаля. Он говорил об идеологии модернизаторов в Южной Азии: «...Государство должно играть активную, по существу решающую роль в экономике. Своими капиталовложениями и предпринимательской деятельностью, различными видами стимулирования, ограничениями частного сектора государство побуждает и направляет экономическое развитие. ...Таким образом, планирование становится интеллектуальной основой всей идеологии модернизации»².

Наш несколько просторный экскурс в историю реформаторства Евро-Азии демонстрирует, что успешные реформы осуществлялись на основе не западно-европейской традиции («рынок и демократия»), а на основе собственных, континентальных евроазийских традиций, сущность которых мы определили выше как «публицитет», т.е. при посредстве властно-правовых норм и институтов.

¹ Брутенц К.Н. Современные национально-освободительные революции. (некоторые вопросы теории). - М.: Политиздат, 1974 г., сс.366-368.

² Мюрдаль Г. Современные проблемы "третьего мира". - М.: Прогресс, 1972, с.166-167.

И ныне, применительно к реформам КНР, говоря о социальных формах этих преобразований, уместно говорить не о «модернизации» (что неправомерно сближает их с западно-европейской «колеёй»), а о возрождении и развитии традиционного для данного региона «публицитета» (или о контемпораризации, «некапиталистическом пути развития», «социалистической модернизации» и т.п.). При этом понимая, что речь идёт об исторически равноправных социальных формах, соответствующих одной ступени прогрессивного развития.

И, таким образом, вышеприведенные слова, сказанные Дэн Сяопином в 1979 г. в беседе с Охира Масаёси, о том, что китайская модернизация – это *сяньдайхуа*, и его прямая отсылка к понятию *сюокан чжицизя* (среднезажиточная семья), т.е. к китайской традиции, позволяют заключить, что замышлявшееся им обновление Китая мыслилось именно в форме контемпораризации, или, можно сказать, «социалистической модернизации». Потому-то, в свою очередь, предположения о предстоящем «переходе от командно-административной системы к рынку и демократии» сильно искажают и упрощают реальное положение с замыслами и делами реформаторов.

При этом реально существующие и прогрессирующие многоукладность общества, разнообразие форм собственности и хозяйствования, подъём рыночных отношений, усложнение и обогащение общественно-политической жизни и культуры не меняют принципиальной сущности и характера общества. Общество и экономика остаются в системе господства публично-правовых отношений, хотя при этом и сочетаются с частным предпринимательством и рыночными отношениями. Мера, пропорция в таком гетерогенном сочетании и образуют своеобразие национальной модели.

На этих основных вопросах и концентрируется теоретическая исследовательская мысль российских китаеведов. Во-первых, какую

роль играет в новых исторических условиях социалистический уклад в КНР, государственный и кооперативный секторы экономики, как они видоизменяются и прогрессируют? Во-вторых, каким образом обогащается, усложняется экономическая и социальная структура общества – как происходит становление и развитие рыночной экономики, частно-предпринимательского сектора, многоукладности в целом? В-третьих, как взаимодействуют социалистическая, командно-административно управляемая экономика с рыночными отношениями, частным сектором, как они сочетаются друг с другом? В-четвёртых, какую трансформацию под воздействием экономических факторов претерпевают все прочие общественные институты – власть, государство, социальные отношения, культура, внутренняя и внешняя политика страны и т.д. Поиск ответов на эти вопросы и является развернутым содержанием работ современных исследователей, занимающихся изучением КНР «периода реформ и открытости».

Эпицентром научных синологических исследований в современной России, как и в прежнем СССР, является коллектив учёных, группирующихся «на орбите» Института Дальнего Востока РАН (конечно, не только ИДВ РАН). Возглавляет ИДВ РАН академик М.Л.Титаренко, международно-признанный учёный-синолог, неформальный лидер большого и плодотворного коллектива отечественных учёных. Взгляды и труды академика задают общий тон и направленность множеству научных предприятий, трудов.

Академик М.Л.Титаренко является современным идеологом и теоретиком того научного направления, которое было некогда основано Н.С.Трубецким, Л.П.Карсавиным, К.Э.Циолковским, продолжалось в трудах Л.Н.Гумилёва, В.В.Бартольда, и вошло в историю под названием «евразийства». Общее всем «евразийцам» – это убеждённость в неколебимой самостоятельной ценности исторического пути и культурного наследия народов Востока,

высокая оценка их вклада во всемирно-исторический прогресс всего человечества, вера в их светлое будущее, решительное неприятие любых форм фанатизма и снобизма евроцентристского толка.

Особо актуальной проблема избавления от евроцентризма некоторых около-властных кругов в России оказалась в 1980-1990-х годах. Причём, речь идёт как о евроцентризме, получившем распространение среди некоторых приверженцев догматичного «научного социализма», так и среди прозападных буржуазно-либеральных кругов. М.Л.Титаренко вёл полемику с ними. В своей работе «Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межцивилизационных отношений: Сборник» (1994 г.) учёный писал: «Закрепилось такое понимание прогресса, которое в качестве его определяющей доминанты рассматривало главным образом общественно-формационные сдвиги и динамику межсистемных различий; при этом одни социальные структуры объявлялись высшими, а другие низшими. В социалистической системе прогресс толковался прямолинейно, в сугубо конфронтационных категориях и зачастую через отрицание способности несоциалистических общественных форм к конструктивному вкладу в поступательное развитие мировой цивилизации. Такое понимание категории прогресса зачастую лишало её последователей интеллектуальной и мировоззренческой основы для сближения точек зрения по международным вопросам, которых придерживались учёные и общественные деятели немарксистской ориентации, мешало поиску путей к достижению взаимопонимания по фундаментальным проблемам мирового развития. В свою очередь в капиталистическом мире сложилось непримиримо враждебное отношение к социалистическим странам, предпринимались попытки оказания на

них политического, экономического и прямого военного давления»¹.

Учёный предостерегал, что: «Механическое заимствование и некритический подход к изучению западных моделей экономического и государственного строительства ведут к размыванию системы ценностей отечественной политической и духовной культуры, ставят национальную культуру и модель развития в зависимость от зарубежной политической моды на те или иные «измы» в рамках либерализма и индивидуализма»².

Подобным подходам он противопоставил идеи межцивилизационного синтеза: «Гармонизация взаимодействия и синтез восточной и западной цивилизаций выступают решающим фактором перехода от конфронтации к диалогу и сотрудничеству не только в АТР, но и во всём мире»³. Евразийское мировоззрение, стремление к диалогу и сотрудничеству позволяет российской науке избегать предрассудков и подходить к проблемам изучения стран Востока с подлинно научных позиций.

Успехи китайской модернизации, ставшие очевидными с 1990-х годов, подтвердили принципиальную историческую правоту «евразийства» и поставили очередную задачу – изучить, раскрыть предпосылки, причины, методы успешных преобразований в КНР. Решению этой задачи академик посвятил ряд новых исследований.

Достаточно вспомнить совместную работу: Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. «Китай – Россия 2050: стратегия соразвития» (2006 г.), где стоит особо выделить раздел «Экономическое развитие Китая». В данной работе, опираясь на обширный материал китайских источников, фактуры и анализа, авторы демонстрируют практически применимые подходы, критерии, методики обеспечения

¹ Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межцивилизационных отношений: Сборник. – М.: «Кучково поле», 1994. с.15

² Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. – М.:Памятники исторической мысли. 2008. с.197.

³ Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия. Ibidem. С.17.

общественного развития, экономического и социального, позволившие Китаю в сжатые сроки выйти на передовые мировые позиции, создать могущественное государство, эффективную экономику, решить сложнейшие социальные и культурные задачи, и поставить перед собой ещё более величественные планы.

Сущностью и китайских подходов к обеспечению материально-культурного подъёма страны, и научного метода анализа китайской модернизации является так наз. «градуализм». Его можно описательно определить как сознательное стремление к поэтапному решению задач, деловой прагматизм, объективная оценка успехов и неудач, свободная от идеологических штампов, настрой на конкретную работу, реализм. Такой подход китайских лидеров к делу и раскрывает работа М.Л.Титаренко «Модернизация Китая: шансы и вызовы времени» (2000 г.).

«Выработанная в конце 1978 г. (3-й Пленум ЦК КПК 11 созыва) стратегия экономических реформ и политики открытости – это тот реалистический путь решения проблем модернизации, который выстрадал Китай. – пишет он. – Она означает принципиальный пересмотр многих ортодоксальных представлений о социализме и осуждение леваческих экспериментов Мао Цзэдуна. На первый план ставится развитие производительных сил и эффективности экономики. Одновременно с отказом от приоритета классовой борьбы произошло фактическое признание идей конвергенции капитализма и социализма¹.

«Выход Китая на уровень развитых промышленных государств, планируемый на середину XXI века, т.е. к 100-летию КНР, предусматривает поэтапное решение задач индустриализации, создание современной системы предприятий и социалистической рыночной экономики до 2010 г. На следующем этапе Китай, по

¹ Титаренко М.Л. Модернизация Китая: шансы и вызовы времени. – М.: 2000, с.3.

замыслам китайских теоретиков, полностью завершит индустриализацию, включая урбанизацию деревни и создание агропромышленного комплекса, и осуществит частичную информатизацию экономики. Эти задачи должны быть решены в течение 20 лет, с 2011 года по 2030 гг. В течение следующих 20 лет (2031-1050 гг.) должна быть осуществлена информатизация общества или строительство «социума экономики знаний». Таким образом, согласно этим прогнозам, экономика КНР в середине XXI века должна приблизиться или выйти на уровень передовых стран»¹.

Развитие, как известно, осуществляется не в вакууме, оно опосредовано той или иной конкретно-исторической средой, подчинено объективно-историческому контексту, традиции. И весомой причиной успехов китайских реформаторов была сознательная опора на традицию: и традицию молодую («социализм»), и традицию древнюю («китайская специфика»). Причём, наблюдается закономерность: чем более высоки модернизационные достижения Китая в развитии экономики, культуры, рыночных отношений, тем более убеждённо китайские лидеры и общество говорят о своей приверженности «социализму с китайской спецификой».

И об этом всё чаще в «нолевых» годах говорит М.Л.Титаренко.

В одной из своих последних работ он пишет: «В конце 1990-х годов ...лидеры страны после упоения успехами начали осознавать появление новых острых и актуальных социально-политических проблем. Философия «чёрной и белой кошеч» в какой-то мере перестала устраивать и левых, и правых.»². «Опыт Китая во многом проясняет вопрос о перспективах СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

¹ Там же, с.9.

² Новый этап реформ: куда идёт Китай?/. Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. – М.: Памятники исторической мысли. 2008. – с. 169.

(курсив наш – Н.А.) развития, способствуя решению проблемы превращения СОЦИАЛИЗМА из прекрасной утопии в науку¹.

В своих самых последних работах учёный акцентирует свои наблюдения: «Как показывают решения XVIII съезда КПК, китайское руководство по мере созревания экономических и культурно-цивилизационных условий, максимально наращивает социальную, гуманитарную и, в конечном счёте, социалистическую направленность своей политики в деле утверждения более справедливых социальных и межнациональных отношений»², «Китай намерен и впредь идти по неизведанному пути строительства социализма, отвечающего особенностям этой страны».

Таким образом, евразийство (убеждённость в жизнеспособности и достоинстве культур и народов Востока), градуализм (принцип объективного прогресса, поэтапного развития, прагматизма и реализма), социализм (или шире, приверженность государственно-политической традиции, публичитету) – всё это в совокупности характеризует подход академика Титаренко к изучению модернизации КНР. И одновременно является отличительными чертами, темами, принципами историографической «школы» академика М.Л.Титаренко. Эти черты узнаваемы во многих весьма разнообразных трудах учёных китаеведов.

Модернизация Китая стала предметом масштабного цивилизационного и философско-культурологического исследования А.В.Виноградова, его монографического исследования «Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности» (2005 г.)³.

¹ Там же. С.163.

² Титаренко М.Л. XVIII съезд КПК и развитие социализма с китайской спецификой // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012-2013. – М.: 2013. с 25,26.

³ Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. - М.: 2005 г. 335 с.

Автор рассматривает модернизацию Китая в широком историческом и общепланетарном контексте, как один из феноменов всемирно-исторического диалога Востока и Запада, «противостояния традиций восточной духовности и западной техногенности»¹. Автор ясно и строго определяется с понятийным аппаратом: «Духовность, понимаемая как характеристика общественных, сугубо социальных отношений»². Автор исследует исторические этапы и версии этого диалога – вестернизация, модернизация, глобализация, «модернити» и пост-модерн.

А.В.Виноградов исходит из бесспорных положений, что главным фактором естественно-исторического развития в Европе была активность индивида, объективированная в суверенном правовом статусе индивида и частной собственности, институционализированная в политической демократии и рыночной экономике, регулируемыми через посредство универсальных эквивалентов – стоимостью и законом. Но, как указывает автор, изменение баланса между материальной и духовной культурой в пользу индивидуализма и материалистичности, обусловивших на одном историческом этапе преимущества западной цивилизации, неизбежно породили в ней кризисные явления, неспособность решать общесоциальные проблемы – проблемы развития, экологические проблемы и т.д.

Оптимистическое продолжение развитию западной цивилизации смог предложить марксизм, учение социализма – возродив коллективистские ценности. Социализм предложил концепцию достижения общественной гармонии и экономического прогресса за счёт таких институтов как планирование, централизованное управление, обобществление средств производства.

¹ Там же. С.5

² Там же. С.217.

Кризис, поразивший социализм в конце XX века, заставил Китай переосмыслить доктрины и опыт социализма в более широком историческом и культурном контексте. Китайские идеологи в поисках путей преодоления духовного и цивилизационного кризиса обратились к антропоцентричной культуре Востока, которой присущи нравственные принципы и самоограничение, противостоящие эгоизму рыночной морали; по их мнению, восточная философия является противоядием противопоставлению духа и материи, разделению субъекта и объекта, и тем самым даёт гармонизацию развитию, способствует разрешению общественных противоречий. Постепенно социалистическая модернизация Китая стала всё чаще связываться с характерными чертами, особенностями китайской культуры, идентичность была признана источником развития и преимуществ.

А.В.Виноградов на основе глубокого анализа приходит к главному выводу, раскрывающему наиболее характерные и существенные особенности модернизационной модели Китая: «К началу XXI в. в Китае появились контуры новой модели, решающей конфликты между властью и материальной культурой, традицией и материально-техническим прогрессом, но её механизм в отличие от либерально-демократического не действует автоматически и требует постоянных усилий, что неизбежно отражается в типе развития, принявшего на себя функции поиска и поддержания идентичности. Окончательный исход модернизации, таким образом, не только в Китае зависит от цивилизационной целостности, допускающей мобилизационность и сохраняющей старые институты, а также от целенаправленной деятельности политических партий и их лидеров, использующих социокультурные традиции для решения современных политических задач.»¹.

¹ Там же, с.214

Вывод А.В.Виноградова ведёт к заключению, что современная модернизация КНР строится на основе цивилизационной самоидентичности Китая, в которой соединились начала социализма, марксистского учения с традиционной духовностью Китая. Можно сказать, в китайской модернизации китайский публицист преобладает, более значим, чем западная «цивилизация».

Исследованию идеологических истоков политики модернизации КНР посвящены труды Д.А.Смирнова, Л.С.Переломова, А.Е.Лукьянова, академика С.Л.Тихвинского.

Исследование Д.А.Смирнова «Идейно-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину» (2005 г.)¹ являет собою «взгляд изнутри» на китайскую модернизацию, это марксистский анализ истории, идеологии и практики социалистической модернизации Китая, последовательный проблемно-хронологический анализ формирования идейно-теоретических постулатов модернизации Китая в категориях марксистской науки.

В работе Д.А.Смирнова модернизация определяется достаточно традиционным, общепринятым образом – как «процесс перехода отсталых стран Азии, Африки и Латинской Америки к индустриальному обществу и демократическому политическому устройству», при этом подразумевается наличие двух основных типов модернизации – естественно-исторический процесс (страны Западной Европы) и «вторичная»/ «отражённая» модернизация, происходившая под давлением и по образцам передовых капиталистических стран. (Как известно, «вторичная» модернизация характеризовалась массированным, руководящим участием государства в процессе преобразований).

¹ Д.А.Смирнов «Идейно-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину» - М.:2005 г. С.324.

Автор подробно рассматривает исторический процесс формирования идеологии модернизации китайского общества в XX-м веке. Первым этапом данного процесса явилась теория «новой демократии», разработанная Мао Цзэдуном на рубеже 30-40-х годов, она предусматривала проведение модернизации на основе развития национального капитализма под контролем государства и при активном привлечении иностранного капитала. Вторым этапом стала генеральная линия КПК, разработанная в начале 1950-х годов, она нацеливала страну на осуществление индустриализации по примеру СССР и предполагала помочь СССР. Третий этап связан с выдвинутым в конце 1950-х годов волюнтаристским курсом Мао Цзэдуна на «большой скачок» в экономике и позднее с «культурной революцией». Четвёртый этап модернизации начался со смерти Мао Цзэдуна и началом разработки и реализации курса Дэн Сяопина на всестороннюю модернизацию на основе рыночного трансформирования экономики при активном участии государства в развитии и управлении экономикой, привлечение зарубежных инвестиций, стимулирование научно-технического прогресса, поощрение развития негосударственных форм собственности.

Особо подробное внимание автор уделил изучению становления и утверждения, содержания «теории Дэн Сяопина»: теория Дэн Сяопина, дополненная концепцией «трёх представительств» и программой построения «гармоничного общества», стали идеино-теоретической основой китайской модернизации.

«Обобщая теорию и практику проводившейся Дэн Сяопином политики модернизации, – пишет Д.А.Смирнов, – можно констатировать, что последовательный курс на внедрение рыночных отношений в экономику не сопровождался столь же радикальными преобразованиями в политической системе. Содержание разрабатывавшейся им реформы политической системы сводилось не

к постепенному демонтажу социалистического строя вслед за повышением степени либерализации экономики, а к совершенствованию исторически сложившегося административно-политического механизма. Она проводится таким образом, чтобы её темпы соответствовали потребностям реформирования экономики и развития общества, не отставая от решения возникающих в связи с этим задач, но и не «забегая вперёд», постепенно и поэтапно, с учётом существующих объективных условий. По сути именно в совмещении экономического либерализма с авторитарной политической властью и заключается специфика китайского пути социалистической модернизации, предложенного Дэн Сяопином»¹.

И ещё одна, не афишируемая, но очевидная особенность китайской модернизации – её политика, установки «проводятся в интересах всего общества, а не «избранных» его прослоек» –, говорит Д.А.Смирнов².

Труд Д.А.Смирнова даёт понимание партийной и государственной логики формирования и реализации курса на модернизацию Китая. Он показывает, что фундаментальные проблемы реформирования, обновления социалистического общества могут успешно решаться не путём разрушения социалистического мировоззрения и государства, но, напротив – в русле продуманной перестройки их.

Китайский менталитет слагается не только из марксистской интеллектуальной традиции, но и из многотысячелетней мудрости самого Китая. Огромное влияние и на китайский народ в целом, и на его лидеров продолжает оказывать идеология конфуцианства. Сами китайские лидеры прямо указывают на эту связь с древностью, говоря о конфуцианской доктрине *сюокан чжисцзя* («среднезажиточная

¹ Там же. С.272.

² Там же. С.272.

семья»). Исследованию автохтонных корней идеологии китайской модернизации посвящает свои труды Л.С.Переломов, признанный международный научный авторитет в вопросах конфуцианства¹.

Л.С.Переломов так оценивает смысл выше упоминавшихся высказываний Дэн Сяопина в беседе с японским премьер-министром Охира Масаёси: «В своей беседе с японским премьером Дэн Сяопин как бы подчёркивал, что хотя он и возвращает страну на конфуцианские рельсы, его реформы будут отличаться от японских по своей направленности: в противоположность японскому конфуцианскому капитализму Китай будет строить свой конфуцианский социализм, формально называемый «социализмом с китайской спецификой»².

Более подробно эта взаимосвязь древней доктрины с современной модернизацией раскрывается в совместной работе Л.С.Переломова и А.Е.Лукьянова «Из истории идеологемы сюокан»³. Авторы исследуют историю этой категории духовной культуры Китая, погружаясь в глубь тысячелетий к каноническим текстам "Ши цзин" (ода Мин лао - "Народ страждет") и "Шань хай цзинь" (Канон гор и морей), к трудам Конфуция и Мэнцзы, также, к взглядам китайских реформаторов XIX века Кан Ювея и Дай Цзитао, исследуют идеологические программы гоминдановского режима на Тайване, в их анализе учтены находки академика С.Л.Тихвинского и ряда других знатоков китайской мысли и истории. Учёные показали, что идеологема сюокан является одним из самых лаконичных и глубоких выражений замысла главного архитектора модернизации Китая Дэн Сяопина. Используя краткую формулу, он смог выразить и связать многоплановые замыслы реформ. В песне Мин лао «выражение сюо

¹ Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. – М.: 2007, 256 с.

² Там же. С.212

³ Лукьянов А.Е., Переломов Л.С. Из истории идеологемы сюокан // ПДВ, 2003, №3. сс.26-38.

кан поставлено в конце первой фразы первой строфы, в параллель остальным четырём терминам, образованным с иероглифом *сюо*: *сюо сюо* ("немного передохнуть"), *сюо си* ("слегка вздохнуть"), *сюо ци* ("немного дух перевести"), *сюо ань* ("чуть-чуть покоя"). Все пять терминов семантически идентичны и означают потребность уставшего от казённых работ народа в передышке, чтобы заняться собственными хозяйственными делами»¹.

Вместе с тем, канонические тексты в трудах своих интерпретаторов с течением времени могут приобретать многообразные, в том числе и прямо противоположные начальному смыслу толкования, которые как бы начинают жить собственной жизнью. Исследователи, опираясь на труд академика С.Л.Тихвинского², показывают, как своеобразно идеологема *сюокан* преломилась во взглядах видного буржуазного реформатора конца XIX века Кан Ювэя: «Термин *сюокан* использовался Кан Ювэем лишь в связке с *датун*, обозначая "эру малого спокойствия", или "эру становления", необходимую для выхода из "эры хаоса". ...Согласно "вновь открытому" Кан Ювэем учению Конфуция, — пишет академик С.Л.Тихвинский, — человечество в своём развитии переживает три периода, каждому из которых должны соответствовать свои собственные законы. После периода "хаоса и смуты" должны последовательно наступить период "становления" и период "Великого спокойствия". Для периода "становления" характерны законы "Малого мира" (т.е. *сюокан*), в период же "Великого Спокойствия" должны вступить в силу закон "эры Великого Единения"»³.

Таким образом, принципы *сюокан* представляют собой нормы переходного общества, предверие окончания хаоса и торжества

¹ Там же. С.31

² См. Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века // Тихвинский С.Л. Китай и всемирная история. М.: 1987. – с. 135.

³ Там же с.35

"Великого единения", когда главной колеей развития на какой-то период становится не общегосударственное урегулирование, не макро-гармония, но достижение упорядоченности, аккумуляция энергии достатка и процветания на социальном микро-уровне.

Труд российских учёных Л.Переломова и А.Лукьянова позволяет читателю глубоко и объёмно представить сложный замысел архитектора китайской модернизации Дэн Сяопина, увидеть замысел в потоке ближних и дальних целей, увидеть его изнутри китайской многотысячелетней культуры, понять его принадлежность к традиции.

Главным фокусом исследовательского внимания, наиболее головоломных теоретических дискуссий с целью определения формационной принадлежности китайской модернизации, по-видимому, является проблема становления рыночной экономики в КНР, её соотношения с государственным сектором экономики и совместимости с социалистической государственностью.

В этой области проблем трудится не мало маститых учёных-экономистов – В.Я.Портяков, Я.М.Бергер, А.В.Островский, Э.П.Пивоварова, Л.Д.Бони, и др., и каждый из них исповедует своё политico-экономическое «кредо», обладает своим уникальным представлением о соотношении рынка и социализма в сегодняшней КНР, о смысле и характере модернизации этой страны.

Доктор экономических наук В.Я.Портяков в своей работе "Экономическая реформа в Китае"¹ (2002 г.) с привлечением обширного конкретного материала, статистики рассматривает принципиальные политico-экономические проблемы современного Китая. Он выступает как исследователь идей "градуализма", при этом речь идёт не просто о постепенности, но о "двухколейности" развития

¹ Портяков В.Я. Экономические реформы в Китае (1979-1999 гг.). М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002.с.177.

КНР. «В самом Китае –, пишет учёный –, главной сущностной характеристикой градуализма склонны считать так наз. "двухколейность", т.е. достаточно длительное сосуществование двух гетерогенных хозяйственных систем: демонтируемой планово-распределительной и нарождающейся рыночной.... Широко понимаемая двухколейность включает в себя и заметное сокращение доли государственного сектора при увеличении доли экономики других форм собственности»¹. «Политический фактор градуализма китайских реформ не исчерпывается разногласиями в руководстве страны. Основополагающее значение здесь имела ориентация лидеров Китая на сохранение социалистических рамок общественного развития»². Опираясь на фактический материал, автор приходит к суммарному выводу: «Экономические процессы в Китае 90-х годов в определяющей степени опосредуются именно ориентацией на рынок. Поэтому китайская реформа ни в коем случае не должна "изыматься" из общемирового процесса рыночной трансформации. Сохранение прежней политической системы с руководством компартии в качестве стержня сути дела не меняет»³.

Необходимо оговориться, что тезис об "обретении реформенным процессом всё более недвусмысленной рыночной ориентации"⁴ – пока открытый вопрос. Проблема не сводится к тому, что частный сектор, как правило, оказывается более эффективным товаропроизводителем, чем государственные предприятия. И не состоит в том, что исходный технологический, экономический уровень, уровень капиталовооружённости развития Китая был весьма низким. Нельзя упускать из вида, что государство по самой сущности своей не может и не должно быть товаропроизводителем, играть по

¹ Там же, с.6.

² Там же.с.7

³ Там же, с.26

⁴ Там же, с.15

правилам рынка. Миссия государственной власти раскрывается там, где не срабатывает закон стоимости в качестве регулятора и импульса общественного развития. Поэтому истинные функции государства (и в экономике) в принципе не могут быть переданы рыночной экономике (кроме случаев, когда государство изначально занималось не своим делом). Рынок может успешно регулировать только то, что может регулироваться рынком. Но государственная миссия много шире нежели «рыночное регулирование», она – качественно инородная.

И закономерно, что В.Я.Портяков вносит уточнения в трактовку проблемы "двуухолейности" развития Китая в работе 2004 года "Китай и социализм"¹. «В Китае считают объективной данностью множественность моделей социалистического строительства», – такой вывод всё более определённо звучит в работах учёного.– Поражение социализма в Восточной Европе «явилось не поражением социализма вообще, а всего только одной конкретно-исторической модели – советской, или, точнее, «сталинской»².

Концепция "модели строительства социализма" позволяет рассматривать общественный строй КНР не как своеобразную историческую химеру, транзитное состояние, но как самостоятельную органичную сущность, имеющую будущность. А такой подход, в свою очередь, открывает широкие перспективы для объективного изучения и оценки китайского опыта модернизации, понимания национальной специфики социализма КНР.

И В.Я.Портяков раскрывает ряд наиболее существенных для понимания характеристик "социализма с китайской спецификой". «Особый акцент на национальное начало в строительстве социализма не был для Китая всего-навсего неким терминологическим

¹ Портяков В.Я. Китай и социализм // От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века: очерки. М.:Институт Дальнего Востока РАН, 2006. сс.76-82.

² Там же. С.79

ухищрением, а имел вполне конкретное практическое значение. Во-первых, он послужил теоретической основой выдвижения во главу угла деятельности правящей партии и всей страны сугубо национальных задач, и среди них – задачи экономического подъёма как наиболее приоритетной. Говоря прямо, сегодня – в отличие от бывшего Советского Союза и КПСС – Китай и КПК не ищут лучшее будущее человечества и "новое мышление для всего мира", а сосредоточились на "возрождении китайской нации", на наращивании комплексной мощи и "мирном возвышении" именно Китая¹.

Решению своих национальных задач, действуя своими национальными методами, и служит национальная модель модернизации социализма в КНР.

Труд доктора экономических наук Я.М.Бергера «Экономическая стратегия Китая»² стал очень веским словом в осмыслении, понимании отечественной синологией темы модернизация Китая в пост-маоистский период. Автор на огромном и современном информационном материале глубоко и подробно проанализировал экономическое развитие современного Китая, историю и современное состояние формирования рыночных отношений, в частности, субъектов предпринимательской деятельности в экономике Китая, роль государства на рынке и в сфере публичных услуг, истоки, содержание, особенность стратегии развития страны, в том числе в международном контексте, и даже дал анализ и оценку различным течениям, школам научного понимания китайской действительности. Труд учёного часто выходит за рамки чисто экономического анализа: он предлагает читателю обширное и систематичное понимание самых различных аспектов развития общества – экономики, политики, права, идеологии, взаимодействия государства и рынка, формирования

¹ Там же. С.78.

² Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. – М.: ИД «ФОРУМ», 2009. – 560 с.

гражданского общества, проблем становления демократического самоуправления, идеологической борьбы в стране и на мировой арене.

Автору удалось выявить основные черты, определяющие самобытность стратегии китайских реформ. В самом кратком перечислении это – органически единая целостность всех сторон, мер, шагов китайского руководства по преобразованию страны; это наличие внятной долговременной стратегии преобразований; также, это прагматичность реформ, их «деидеологизированность», свобода от замшелых стереотипов; ясное определение функций государственной власти как служение обществу, и в этом контексте, пересмотр соотношения политики и экономики в пользу последней; комплексность и взаимодополняемость реформ, всё подчинено единому замыслу; осмотрительность, поступательность в проведении реформ («переходить реку, ощупывая ногой камни»); стремление использовать промежуточные модели реформ, позволяющие избегать ненужных рисков и перенапряжения общества и власти; увязка рыночных преобразований с наращиванием внешней открытости; наконец, способность руководства к самокритичной оценке, готовность исправлять свои ошибки и учиться новому. Препарированный автором опыт китайских реформ интересен и полезен всем реформаторам.

Учёный избегает упрощённых решений и ответов, предлагая непредвзятое, глубокое, систематичное, диалектическое по характеру рассмотрение всей сложности проблем китайской модели модернизации. Автор тестирует на прочность многие стереотипные представления о современном Китае и путях реформирования экономики, общества, государства. Он жёстко полемизирует с шаблонами неолиберальной идеологии, проповедующими неизбежность торжества некоей универсальной совершенной модели, для которой неотъемлемыми чертами являются «рыночная экономика,

политическая демократия, гарантированные права человека. Развитая система социального обеспечения и нацеленность на массовое потребление». Столь же метко автор обнажает и профанный характер некоторых популярных представлений о «социалистических чертах» китайской действительности – вроде «многоукладная экономика при ведущей роли общественного сектора», «целью является общая зажиточность общества», «приоритетное значение распределения по труду», автор ставит под вопрос и эти мифы. Но ставя под сомнение вчерашние стереотипные знания и представления, учёный как бы приглашает читателя к самостоятельному достижению новых идеино-теоретических горизонтов.

Основной мотив авторских научных и гражданских исканий оптимистичен: автор пишет: если «иметь ввиду и возможную перспективу, то увязывание рынка с социализмом, если эта связка окажется действительно долговременной и жизнеспособной, в отличие от советского НЭПа, она способна принести результаты очень большой значимости. Не только для Китая, но и для всего мира. В условиях, когда катастрофически рушится чисто рыночная модель современного капиталистического мира, нельзя исключать возможности, что именно Китаю удастся соединить в своих институтах и массовой общественной практике экономическую эффективность с социальной справедливостью, благо нации и государства – с достоинством, свободой, полноценной жизнью человека»¹.

Следует согласиться с Я.М.Бергером: изучить и понять процессы модернизации КНР – задача, требующая и весьма неординарных научных свершений, и одновременно, исключительно важная для понимания перспективы всего мирового развития.

¹ Там же. С.43

Ряд своих работ проблемам модернизации КНР посвятил д.э.н. А.В.Островский. Одна из них так и называется – «Китайская модель перехода к рыночной экономике»¹ (2007 г.).

Стратегической целью преобразований в КНР, которую намечается достичь к 2050 г., он полагает «осуществление всесторонней социалистической модернизации, необходимой для достижения зрелости социально-экономического развития..., превращение страны в мощное государство с высоким уровнем материальной, правовой и духовной культуры»².

«Социалистическая модернизация» включает в себя и «совершенствование социалистической рыночной экономики».

Характеризуя особенности китайского опыта, А.В.Островский говорит, что: «Главным является разумное сочетание государства и рынка»³. Особенности китайского пути он противопоставляет так наз. «программе Грефа» в России, «поскольку объявленная в ней цель – модернизация экономики – входит в противоречие со средствами достижения этой цели – дальнейшая либерализация экономики и отказ от активной роли государства в выработке социально-экономической политики развития общества»⁴.

Своеобразие исследовательского подхода А.В. Островского – он работает в жанре экономической компартистики. Китайскую модель модернизации он сравнивает с самостоятельным анализом опыта России, Социалистической Республики Вьетнам, стремясь при этом понять причины успеха одних и поражения других⁵.

¹ Островский А.В. «Китайская модель перехода к рыночной экономике» - М.: 2007 г., 208 с.

² Там же. С.4.

³ Там же. С.202.

⁴ Там же. С.202.

⁵ Островский А.В. Китайская модель перехода от плановой к рыночной экономике: формы и методы реализации. / Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме. – М.: ИД «Форум», 2012. – сс. 115-129. Островский А.В. Сравнительный анализ российской и китайской моделей перехода от плановой экономики к рыночной / Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме. – М.: ИД «Форум», 2012. – сс. 397-404.

Он выделяет в китайском опыте ряд этапов стратегии экономического и социального реформирования Китая. Китай не встал на путь радикального слома прежней политической и экономической системы, а пошёл по пути плавной эволюции, постепенного формирования рыночной экономики. Эта постепенность воплощена в четырёх этапах развития китайской экономической реформы. 1) 1979-84 гг. – «плановая экономика – основа, рыночное регулирование – дополнение»; 2) 1984-93 гг. – «плановая товарная экономика»; 3) 1993-2002 гг. – «социалистическая рыночная экономика»; 4) с 2003 г. по настоящее время – «совершенствование социалистической рыночной экономики». Островский считает, что первые два этапа имели лишь подготовительное значение для реализации концепции реформы и лишь с третьего этапа происходит переход к рыночной экономике, построенной на основе всемерного развития предприятий различных форм собственности и постепенного допуска предпринимателей к участию в принятии государственных решений.

Главным фактором в успехе китайских реформ, помимо глубокой научной проработки вопросов преобразований и постепенности в их развертывании, постоянной экспериментальной проверки эффективности тех или иных шагов, по мнению А.В.Островского, явился отказ от стратегии догоняющего развития, при которой делался упор на развитие капиталоёмких отраслей тяжёлой промышленности, когда предприятия не могут выйти за границу предельных производственных возможностей, и переход к стратегии сравнительных преимуществ, при которой стали быстро развиваться трудоёмкие отрасли, что способствовало выходу предприятий на границу предельных производственных возможностей, дало эффект выправления деформированной отраслевой структуры Китая. Это повлекло за собой колоссальный

экономический рост в Китае, при котором с начала 80-х годов поддерживаются среднегодовые темпы роста около 10%. Таким образом, в стратегии сравнительных преимуществ заключался крайне важный ключ к успеху экономической стратегии развития.

Заострённостью на рассмотрение фундаментальных проблем политической экономии социализма на китайской почве отличается труд д.э.н. Э.П.Пивоваровой «Социализм с китайской спецификой»¹.

Пивоварова представила читателю, как через сложные и противоречивые тенденции развития страны складывалася её нынешний экономический строй и политическая система, какую роль в этом сыграли национально-культурная специфика страны, менталитет её народа.

Особое, акцентированное внимание автор уделила размышлению об исторических судьбах социализма на китайской земле. Её вывод гласит: «Можно сделать заключение не только о значительной эволюции идей социализма в китайской концепции, но и о существенном приближении её к выросшим на эволюционной почве теориям «конвергенции», «смешанной экономики», идей «институционализма», при всех различиях которых объединяющей их является идея сближения двух общественных систем и необходимости «социального контроля над производством». Как показывает анализ, тот общественно-экономический строй, который сегодня называется в КНР «социализмом с китайской спецификой» является конвергентной по своей сути «смешанной экономикой», где очень разнообразны по уровню развития производительные силы, где сосуществуют различные по формам собственности типы хозяйств и соответствующие им отношения по производству и распределению материальных благ, где принятием идеи «трёх представительств», расширяющей «социальную опору» руководства страны, в

¹Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. – М.: ИД «ФОРУМ», 2011. – 352 с.

определенное соответствие с «многоцветным» базисом приведена и политическая надстройка, где – и это самое главное – осуществляется «социальный контроль над производством» как необходимое условие создания рыночного хозяйства в многонаселённой и экономически отсталой стране»¹. Очевидно, в концепции Э.П.Пивоваровой, «социальный контроль над производством» как обязательное условие для конвергентной, по сути смешанной экономики – суть нынешней китайской модели.

Помимо обобщающих трудов вышло и немало более узко-специальных (и весьма глубоких) исследований. К примеру, Л.Д. Бони «Китайская деревня на пути к рынку. 1978-2002 г.»². (2005 г.). Их выводы в целом перекликаются с исследованиями вышеупомянутых авторов.

Российские учёные-экономисты, исследователи современного Китая, демонстрируют значительное разнообразие методов и подходов, выдвигают довольно разнообразные концепции экономической модернизации КНР. Но у них есть и некий «общий знаменатель» – никто не декларирует просто «переход от командно-административной экономики к рыночной», не пророчит якобы неизбежное торжество «капитализма с китайской спецификой», не отождествляет рыночную экономику с всевластием рынка и господством капитала. Напротив, все говорят о становлении оригинальной модели социализма, о следовании Китая в традиционной исторической колее, о поисках своей пропорции соотношения и форм взаимодействия, конвергенции экономики и политики, бизнеса и государства. По сути, речь всегда идёт о совершенствовании социализма в новых исторических условиях.

¹ Там же. С.325

² Л.Д.Бони. Китайская деревня на пути к рынку. 1978-2002 г. –М.: 2005 г., с.528.

Исследование редкой тематики было предпринято В.Г.Ганшиным – «Формирование гражданского общества в России и Китае» (2007 г.)¹. Труд посвящён формированию гражданского общества в КНР.

Становление рыночной экономики и многообразных форм собственности и хозяйствования пробуждает активную жизненную позицию населения, побуждает его ясно артикулировать свои личные и общественные интересы, объединяться для их представительства и защиты. Исследование В.Г.Ганшина даёт подробный анализ этого феномена в современном Китае, причём анализ сопровождается и самостоятельными теоретическими обобщениями, историческими экскурсами, сопоставлениями с современным миром, другими странами. Свои выводы автор строит на обширном материале, характеризующем как процесс экономических и правовых преобразований в китайском обществе, так и многочисленные гражданские организации современного Китая.

Автор полемизирует со стереотипами европоцентристской философии, огульно критикующей так наз. «восточный деспотизм». В.Г.Ганшин обратил внимание на бесспорное фактическое обстоятельство: западный колониализм был нисколько не мягче и не гуманнее восточного деспотизма, а иногда он был и гораздо более жестоким. (На наш взгляд, развившиеся на Западе товарное производство, рыночная экономика, будь то рабовладение или капитализм, предполагают многое более расточительное использование рабочей силы, чем при азиатском деспотизме, который всегда имел в себе мощный противовес в форме патриархальных институтов: «восточный деспотизм» с его патриархальными нормами часто сам исполнял функции гражданского общества в патриархальном стиле).

¹ Ганшин В.Г. Формирование гражданского общества в России и Китае. – М.: 2007, с.232 с.

В.Г. Ганшин, обращаясь к современности, объективно констатирует, что: «До последнего времени китайские власти ясно давали понять логику выстраиваемых ими политических приоритетов. Прежде всего, это – увеличение комплексной мощи государства, а уж потом – удовлетворение разнообразных групповых, корпоративных, индивидуальных интересов. Для этого стране нужна стабильная, сильная государственная власть, способная обеспечить реализацию грандиозных планов «мирного возвышения»¹.

Основной вывод автора звучит парадоксально, но он обоснован: «Рискну предположить: нормативное гражданское общество мы скорее будем наблюдать в КНР, нежели в России. Китайская власть уже сегодня видит в гражданских инициативах институты будущего сотрудничества и совместного решения национальных проблем, намереваясь создать «социалистическое гармоничное общество»².

Идеологические аспекты процесса формирования гражданского общества в Китае, различия западно-европейских и восточных традиций и современных подходов к строительству общества, гражданских общин подробно представлены В.Г. Ганшиным в его работе «Китай: искушение либерализмом»³ (2009 г.). Работа раскрывает в деталях и «изнутри» процесс интеллектуального поиска современного Китая в процессе формирования современного гражданского общества.

Теме становления гражданского общества в процессе модернизации КНР посвящена и работа Ю.М.Галеновича «Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае»⁴ (2006 г.).

Работа посвящена рассмотрению одной из важнейших идеологических концепций современного Китая – идеи построения

¹ Там же. С.37.

² Там же. С.151.

³ В.Г.Ганшин . «Китай: искушение либерализмом» - М.:2009, с.219

⁴ Галенович Ю.М. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2006, 392 с.

«гармоничного общества», разработанной и представленной обществу в 2005 г. под руководством генсека ЦК КПК Ху Цзиньтао.

Доктрина «гармоничного общества» претендует стать определением социального строя современного Китая, то есть встать в один ряд с такими понятиями как «капитализм», «социализм».

Незаурядность работы Ю.М.Галеновича заключается том, что он подвергает эту доктрину самому скрупулёзному рассмотрению на основе богатейшего фактического материала. Он берёт её в самых разнообразных аспектах и отношениях: «гармония» и – закон, порядок, энергия, государство, творчество, согласование общественных интересов, управление обществом, сохранение стабильности, партии и массы и т.д. и т.п.

Китайская государственная традиция с древности подразумевала, что государство не ограничивается в своей идеино-политической работе декларированием общих абстрактных понятий и лозунгов, но стремится проникнуть в самую гущу народной жизни, скрупулёзно регламентировать её самые тонкие аспекты и подробности. И учёный представляет читателю, как эта государственно-политическая традиция воскресает в современном Китае: на множестве источников и примеров он показывает конкретное насыщение доктрины в реальной жизни Китая. Читатель обретает возможность рассмотреть черты традиционности в современном Китае.

С другой стороны, автор среди безмерного разнообразия толкований «гармонии» отмечает, что: «Сегодня же главное состоит в необходимости задуматься над основой основ в деятельности партии, то есть о том, что представляется сегодня членам КПК в качестве концепции развития или научной концепции развития. А это качественно новая концепция, это концепция, центром которой

предлагается считать человека, человеческую личность»¹. А значит, речь идёт о понимании социальной программы китайской модернизации.

Как можно увидеть из работы Ю.М.Галеновича, китайские идеологи выдвигают на первый план в своих теоретических построениях просто «человека», т.е. абстрактного человека, человека вне конкретно-исторического контекста, вне классовой, национальной, поло-возрастной, и прочей идентичности, они рассматривают его как абстрактный атом абстрактного человечества. Но марксизм, в отличие от буржуазной философии, всегда рассматривал человека именно в конкретно-историческом контексте – как представителя класса или сословия, нации и народности и т.д. Так почему китайские идеологи удаляются от традиционной для марксизма концепции исторически конкретного человека?

Ответ, видимо, в том, что современное китайское руководство отдаёт себе отчёт, что Китай пока недостаточно развитая страна, чтобы говорить о социализме как о сегодняшнем состоянии и ближайшей перспективе общества: на деле в обществе набирает силу рыночная экономика и неизбежно сопутствующее ей классовое общество. Социализм же означает преодоление классовых различий и постепенное изживание их. Поэтому реальная модернизационная политика КПК может иметь своей целью на нынешнем этапе не изживание классов и классовых конфликтов, а лишь гармонизацию отношений существующих классов и слоёв. То есть, по сути, провозглашается социальная политика скорее социал-демократического толка, хотя и в экзотическом «традиционно-восточном» обличии.

Таким образом, доктрина «гармоничного общества», с одной стороны, является проявлением традиционной этатистской идеологии

¹ Там же. С.37.

Китая, а с другой стороны, она является адаптацией социальной политики к условиям развитой рыночной экономики. Вот о чём фактически говорит работа Ю.М.Галеновича.

Оба исследователя – и В.Г.Ганшин, и Ю.М.Галенович – выявляют своеобразие становления гражданского общества в КНР в условиях современной модернизации: оно приобретает черты традиционного взаимодействия народа и государства, но это не тормозит гражданскую активность народа, а напротив, содействует ей. Протекционизм может быть не только экономическим, но и социальным. Подобная самобытная особенность увязывается в единый контекст и с экономическим курсом, и с политической практикой КНР.

Успешное становление рыночной экономики в КНР неизбежно ставит в историческую повестку и проблемы модернизации общественно-политической надстройки, вызывает дискуссии в столь острой, чувствительной теме, как обеспечение гражданской демократии. Этой проблематике посвятил свои исследования ряд российских учёных.

Л.П.Делюсин выпустил сборник статей под общим названием «Китай: полвека – две эпохи» (2001 г.)¹, в котором собраны статьи разных лет, трактующие принципиальные проблемы понимания модернизации КНР. Хотя статьи написаны для широкой аудитории, популярная авторская манера изложения не делает их менее научными.

Своебразным концентратом взглядов автора может служить статья «Модернизация и демократия» (1997 г.). Автор обозначает проблему так: «Сегодняшняя пропаганда не далеко ушла от старых идей. Так, в официальных документах КПК модернизация, как и демократия, называется социалистической. Без этого эпитета не

¹ Делюсин Л. Китай: полвека – две эпохи. – М.: Институт востоковедения РАН. 2001. – 294 с.

обходится ни одно решение, ни одна статья. Но оба понятия не укладываются в рамки традиционного марксизма, не говоря уж о идеях Мао Цзэдуна»¹.

Сам автор не скрывает своих симпатий к концепциям классического западного либерализма: «Бюрократия стремится воспитать народ, общество в духе преклонения перед мудрым, всезнающим и всепонимающим вождём, способным вникать в любые проблемы – от житейских до научных. Ему одному принадлежит право "творчески" развивать "всесильное учение".... Но сдвиги к лучшему всё же происходят, и правы те учёные и писатели, которые считают, что борьбу за демократию надо начинать сегодня, вовлекая в неё как можно больше крестьян, рабочих, студентов, работников умственного труда»².

Однако, наличие собственной акцентированной политической позиции не помешало Л.П.Делюсину довольно объективно осветить различные противоборствующие в китайском обществе точки зрения в столь деликатной сфере как проблемы политического развития Китая.

Автору принадлежат, в частности, весьма глубокие наблюдения и догадки о природе и компетенции демократии: «Демократия в Китае делает пока свои первые шаги. Процесс демократизации, сдерживаемый верхами, пусть медленно, но идёт. Следует отметить, что быстрее и успешнее всего реформы прошли в деревне, где неэффективность маоистской модели хозяйства была очевидной, медленнее в городе, ещё медленнее, встречая упорнейшее сопротивление партийной бюрократии, в политической области»³. Учёный своим замечанием, вольно или невольно, указал "ахиллесову пяту", естественные пределы либеральной демократии: демократия –

¹ Там же. С.231

² Там же. С.241

³ Там же. С.240.

адекватная политическая надстройка над малоразвитым обществом с «плоской» социальной структурой, обществом мелких буржуа, ремесленников, крестьян, пастухов. Но в высокоразвитом устоявшемся обществе неизбежна высокая степень дифференциации граждан, возникновение сложной многоступенчатой вертикальной иерархии. Трудно представить, чтобы гранды науки, власти, бизнеса могли обсуждать и решать общественные дела на равных с обывателями, рядовыми гражданами. Принцип равенства политических прав между объективно неравными гражданами превращает демократический процесс в профанацию и имитацию. Там где поднимаются не элементарные, но сложнейшие вопросы научно-технологического и общественного развития, демократический порядок принятия решений перестаёт быть эффективным. И учёный честно признаёт: чем выше по социальной лестнице власти, богатства, образования – тем больше скепсиса в отношении гражданского равенства и демократических процедур. Демократия – прекрасная форма правления, но только когда демократия занимается своими вопросами. (Хотя конечно нельзя игнорировать, что, как отмечал ещё Ф.М.Достоевский, свобода и равенство – сильный соблазн для наивных людей).

И Л.П.Делюсин констатировал, что среди широких кругов китайской интеллигенции сильны консервативные настроения: «В их понимании демократия, соединённая со свободным рынком, не может решить задачу всесторонней модернизации страны. Возлагать же надежды на рыночную экономику, на "невидимую руку" Адама Смита – это опасная иллюзия, поддаться которой означает обречь себя на массу бед, ибо без руководства и контроля со стороны сильной власти рыночная экономика становится источником различных зол. Сторонники таких взглядов требуют вернуться к старым

традиционным социалистическим мерам государственного планирования, которое надо улучшать и совершенствовать»¹.

Хотя суждения Л.П.Делюсина способны вызывать острые дискуссии, тем не менее, он как учёный смог представить многогранную и сбалансированную картину идеино-политических настроений в китайском обществе.

Исследование К.А.Кокарева посвящено весьма редкой среди исследователей, весьма политически-чувствительной и ответственной проблематике – как соотносятся рыночные преобразования в китайском обществе с политической жизнью страны, как протекает политическая модернизация в КНР? К.А.Кокареву удалось создать весьма объёмный, основательно продуманный, логически стройный труд – «Политический режим и модернизация Китая» (2004 г.)².

Автор чётко определяет весьма многогранный предмет исследования: «Политическое реформирование трактуется китайскими учёными именно как реформа политического режима или «конкретной политической системы», включающей «изменение правил, норм, способов, которые устанавливаются для регламентации непосредственной деятельности политических субъектов». Реформировать же политическую систему, изменять её базовую основу, принципы организации политической власти, как считают в Китае, недопустимо»³.

Кокарев рассматривает эволюцию политического режима на протяжении нескольких этапов, он выделяет: политическую реформу на начальном этапе после «культурной революции», затем период 1987 – 1997 гг., и наконец, период с 1997 года, после XV съезда КПК.

¹ Там же. С.236

² Кокарев К.А. Политический режим и модернизация Китая. М.: Институт Дальнего Востока РАН. 2004, с.320.

³ Там же. С.6

Оценивая характер и содержание реформ общественно-политической жизни КНР, Кокарев пишет, что китайское руководство: «В основном способствовало укреплению в стране авторитарного режима правления с «китайской спецификой», что нашло отражение, как отмечалось, в допущении экономического либерализма, наличии дозированной строго контролируемой КПК демократии, в том числе на базовом уровне, мобилизации под руководством партии возможностей законодательных, исполнительных органов власти и общественных структур в интересах мобилизации экономической и общественно-политической систем, расширение социальной базы для рекрутования новых членов КПК. Реальное положение дел, несмотря на немалое число значительных проблем, показывает, что Китаю пока удаётся в целом успешно решать задачи поступательного развития общества»¹.

Завершающий вывод автора: «Всё это даёт основания рассматривать нынешний политический режим в Китае как авторитарный с элементами экономического либерализма. На наш взгляд, этот режим на данном этапе модернизации является оптимальным, так как сложный преобразовательный процесс требует высокой управляемости обществом, быстрого маневрирования многообразными функциями политического режима, что возможно при использовании авторитарных форм правления»².

Таким образом, исследование Кокарева обосновано заставляет думать, что так наз. модернизация КНР есть продвижение страны по пути обновления социалистического строя с китайской спецификой, или, другими словами, реализуется некапиталистическая модель развития, модернизация обновляет традиционный публицитет Китая.

¹ Там же.с.9

² Там же. С.306

Ядром политической системы социалистической страны была и остаётся Коммунистическая партия Китая, исследование её современных тенденций представлено в работе докт. ист. н. Н.Л. Мамаевой – «Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы»¹ (2007 г.).

Н.Л. Мамаева вносит существенные корректизы в популярные представления о модернизации КНР.

Понятие модернизации страны зародилось в партийной среде ещё в 1950-х годах, ещё в те годы в отдельных выступлениях Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая проскальзывали упоминания о «четырёх модернизациях». Но ребром задача модернизации была поставлена на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.). На XVI съезде КПК (2002 г.) и в решениях последующих пленумов задача обновления страны была сформулирована более масштабно и комплексно: от модели «экономической модернизации» (*цзиньцзи сяньдайхуа*), партия переходит к модели «модернизации системы», или «институциональной модернизации» (*чжиду сяндайхуа*), т.е. к модернизации в трёх сферах – экономики, политики, культуры и социальной сферы (в социальной сфере она называлась *сюкан* – «средняя зажиточность»).

Вопреки одномерным оценкам политики реформ, – считает Н.Л. Мамаева –, которые характеризуют модернизацию исключительно как процесс экономических реформ, важную роль в модернизации играли и играют и политические преобразования 80-90-х годов, и последующего периода. В частности, исключительно важную и недооценённую роль в последних, – в сфере партийного строительства и политических преобразований, – сыграл лично Дэн Сяопин.

¹ Мамаева Н.Л. Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. – М.: 2007, с.232.

Н.Л.Мамаева показала, что в условиях политики институциональной модернизации КПК серьёзно реформирует свои отношения как правящей партии с государством и обществом. Новые подходы КПК к исполнению своих руководящих функций в обществе заключаются не в буржуазной «либерализации», не в попытках самоустраниния КПК от своей авангардной роли и оставлении страны на «самотёк». КПК идёт по пути нормативизации места, роли, функций партии в её отношениях с государством и обществом.

«В новых условиях привлечения науки к разработке стратегии модернизации страны и реформирования модели управления в КНР наметилась здравая тенденция преодоления несоответствия между устоявшимися политическими штампами и политической практикой, препятствовавшего выработке адекватных подходов к решению проблемы «партия и власть» на современном этапе. Она выражается в различных формах. Прежде всего, констатируем тенденцию к политико-юридическому оформлению руководящей функции партии и намерения партийного руководства отрегулировать законодательно формы и границы взаимодействия партийных комитетов с представительными и исполнительными органами власти, с административными структурами, а также военными и судебно-прокурорскими органами»¹. Очевидно, что подобный подход позволяет соединить две мнимых противоположности: сохранение стабильности власти и государственного управления с его демократизацией, модернизацией².

В исследовании Н.Л.Мамаевой, как и К.А.Кокарева, отчётливо видно, что модернизация КНР захватывает и политическую сферу, что модернизация имеет характер не либерализации на западный манер,

¹ Там же. С.8.

² Теоретический аспект нормативизации как демократизации более подробно рассмотрен: Анисимцев Н.В. Исполнительная власть Японии на рубеже веков: система и эволюция. – М.: 2008, с.141.

но носит характер совершенствования социалистической государственности, т.е. нормативизации социалистического публичитета, и подобная политика встречает понимание и поддержку в широких кругах китайского общества.

Отечественные учёные в рассматриваемый период уделяли серьёзное внимание и изучению права КНР, модернизационных процессов, объективированных в законах и указах.

В 1984 г. вышел в переводе на русский язык сборник важнейших документов, освещавших современную китайскую действительность и дающий фундамент для научного изучения начавшихся в КНР перемен¹. Сборник был подготовлен коллективом учёных. Все переводы выполнены на высоком лингвистическом и правоведческом уровне. В него включены документы, представляющие все основные отрасли права – Конституция КНР (1982 г.), государственно-административное устройство, экономическое и природоохранное законодательство, уголовное право, и ряд прочих законов. Свод документов послужил фундаментом в изучении права современного Китая. В большей части этот сборник документов сохраняет своё научное значение и сегодня.

Масштабная панорама эволюции государственно-политической жизни Китая представлена в коллективном аналитическом труде группы учёных под руководством Л.М.Гудошникова «Как управляется Китай: эволюция властных структур Китая в 80-90-е годы XX века»². В создании работы также приняли участие Р.М.Асланов, Н.Л.Мамаева, А.А.Москалёв, К.А.Кокарев, Г.А.Степанова, и др. Хотя в работе уделено внимание и таким китайским территориям, как Тайвань, Сянган, главное внимание всё-таки адресовано КНР.

¹ КНР. Конституция и законодательные акты. Перевод с китайского. – М.:Прогресс. 1984 г., с.470.

² Как управляется Китай: эволюция властных структур Китая в 80-90-е годы XX –го века. – М.:ИДВ РАН. 2001 г. С.420.

Учёным удалось систематично и обстоятельно раскрыть модернизационные процессы в сфере государственно-политической жизни КНР, преобразования конституционного и административного строя, уголовного судопроизводства, всей сферы, регулируемой публично-правовыми нормами.

Российскими учёными был также подготовлен масштабный, всеобъемлющий труд по проблемам развития политической системы, государственного строя, правовой системы КНР – «Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978-2005» (2007 г.)¹

Труд был подготовлен большим авторским коллективом под общим руководством доктора Гудошникова Л.М. Участвовали в работе Имамов Э.З., Мамаева Н.Л., Пащенко Е.Г., Шепенко Р.А., Бирюлин Е.В., Ганшин В.Г., Максимов Д.А., Трощинский П.В., и другие. Впервые в российской и советской китаеведческой литературе большинство отраслей китайского права представлены в монографии в таком большом объёме.

«Политическая система управления КНР, развитие её правовой системы определяются прежде всего задачами и потребностями экономической модернизации страны, превращения Китая в мощное современное государство, – пишут авторы, – Выполнение этих задач китайское руководство связывает с поддержанием политической стабильности, что предполагает сохранение в основных чертах политического режима, сложившегося после «культурной революции» и зафиксированного в действующей Конституции КНР 1982 г.»². «Установившаяся в КНР после «культурной революции» политическая система и правовые институты ещё не исчерпали себя и

¹ Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978-2005 / М.: 2007, 464 с.

² Там же. С.463.

достаточно обеспечивают экономический и социальный прогресс страны»¹.

Предпринимаемая властями КНР работа по строительству правовой системы социализма с китайской спецификой призвана превратить КНР в социалистическое правовое государство. И хотя, как пишут авторы, «Становление КНР в качестве правового государства во многом выглядит пока ещё как программное обращение к будущему. Но в качестве программы – это весьма позитивный фактор её прогресса»².

Анализу наиболее общих тенденций развития права КНР в свете проблем оценки характера китайской модернизации был посвящен и наш скромный опус – Анисимцев Н.В. «Правовая система «социализма с китайской спецификой»: её становление, дуализм и гармония» (2013 г.)³. В статье проводится мысль, что баланс публично-правовых и частно-правовых норм в формирующейся новой системе права КНР может служить индикатором изменений социально-экономического и политического характера китайской модернизации. «Сформированная ныне в КНР «правовая система социализма с китайской спецификой» призвана быть отражением и инструментарием «социалистической рыночной экономики» и «гармоничного общества», обеспечивающих гражданам Китая «средний уровень зажиточности». В совокупности они и составляют фундамент «социализма с китайской спецификой». Идеологически «социализм с китайской спецификой» развивается в русле идейной традиции учения Маркса, Ленина – идей и практического опыта многоукладности общественной формации, при которой параллельно и долгосрочно развиваются противостоящие и

¹ Там же. С.464.

² Там же. С.8.

³ Анисимцев Н.В. «Правовая система «социализма с китайской спецификой»: её становление, дуализм и гармония» // Анисимцев Н. Китай и Япония в начале XXI века. Очерки права, идеологии, историографии. – Германия, Саарбрюккен, 2013, сс. 7-30.

изаимодополняющие друг друга уклады – государственно-плановый и предпринимательско-рыночный. При этом сосуществование таких укладов рассматривается не как временное переходное состояние, но как долговременная историческая данность, имеющая диалектическую природу, абстрактно-рациональную, надисторическую детерминированность. Это сочетание идейных подходов и социальных укладов и закреплено в нынешней правовой системе, где оно выступает в оболочке сложного баланса частно-правовых и публично-правовых институтов и норм»¹.

Таким образом, автор, связывая публичное право с социалистической перспективой страны, а её гражданское право – с рыночной экономикой и гражданским обществом, считает, что в КНР в правовом отношении сложилось устойчивое «двухколейное» гармоничное единство этих двух разделов правовой системы.

В процессе модернизации права КНР ключевое значение неизбежно приобретут и такие аспекты, как развитие гражданского права, соотношение гражданского права с публичным правом, хозяйственное право на службе модернизации страны. Если Конституцию справедливо считают высшим законом жизни государства, то высшим законом жизни общества можно считать гражданский кодекс, гражданское право той или иной страны. Изучению этой сферы китайской модернизации также посвящён ряд ценных специальных работ российских учёных.

В 1990 г. вышел сборник работ группы учёных, озаглавленный «Правовые аспекты модернизации в КНР (экономика и научно-технический прогресс)»². В 1980-е годы предполагалось, что модернизация КНР ограничится сугубо экономической,

¹ Там же.с.29.

² Правовые аспекты модернизации в КНР (экономика и научно-технический прогресс). – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 316 с.

хозяйственной сферой и не станет явлением цивилизационной сложности и масштаба.

Но такой суженный подход к теме нисколько не умаляет ценности исследовательских работ, включённых в сборник.

Среди авторов сборника – Л.М.Гудошников, Л.А.Волкова, К.А.Егоров, Э.З.Имамов, С.А.Манежев, Е.Г.Пашенко.

В книге последовательно рассматриваются такие вопросы как государственно-правовое регулирование модернизации в КНР, проблемы экономической реформы и систематизации гражданского права, организационно-правовые формы хозяйственной деятельности и юридические лица, правовой статус государственного предприятия и его преобразования в ходе экономической реформы, политико-правовое регулирование модернизации сельского хозяйства, основные направления законодательной политики в области научно-технического прогресса, правовая регламентация открытой внешнеэкономической политики.

Авторы пишут в заключении, что: «Проведение социалистической модернизации в Китае является задачей исторического масштаба.... Опыт, полученный в ходе реализации принципиально новых идей в этом процессе, следует отнести к достоянию всего мирового социализма, подлежащему всестороннему анализу и изучению»¹. И сам рассматриваемый научный сборник стал примером такого заинтересованного, доброжелательного, глубоко-научного изучения. Хотя многие данные и наблюдения сегодня уже перестали быть актуальными, тем не менее, многие научные выводы авторов и сегодня незаменимы для всякого, кто хочет понимать истоки, характер, логику модернизации КНР, сохраняют свою справедливость и ныне.

¹ Там же, с.303.

Замечательная роль в изучении гражданского права КНР принадлежит безвременно ушедшему д.юр.н. Е.Г.Пащенко.

В 1997 году увидел свет подготовленный им сборник документов специально по гражданскому законодательству КНР, переводы документов и вводная аналитическая статья¹.

Данное издание китайского гражданского законодательства по сути является первым в России, где собраны нормативные акты гражданско-правового характера, а также, и иные акты, попадающие в сферу действия гражданско-правовых отношений. Практически все представленные документы были промульгированы в предшествующие 10-15 лет и отражают развитие товарно-денежных отношений и рыночных законов, гражданско-правовых отношений в КНР.

Как известно, гражданско-правовые отношения подразделяются в общем на четыре основных группы – отношения собственности, отношения экономического оборота, отношения, связанные с творческой деятельностью, и наконец, наследственные отношения. Соответственно, и представленное в сборнике законодательство группируется на ряд тематических разделов – право собственности, обязательственное право, право интеллектуальной собственности, наследственное право.

Другой труд Е.Г.Пащенко «Экономическая реформа в КНР и гражданское право», по-видимому, должен считаться основополагающим в изучении темы гражданское право КНР².

Автор рассмотрел и осветил многие ранее не изученные аспекты гражданского права Китая. Он создал картину правовых традиций Китая в данной сфере, господствовавших до начала модернизации

¹ Гражданское законодательство КНР: Пер. с кит. – М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1997 г. – 336 с.

² Пащенко Е.Г. Экономическая реформа в КНР и гражданское право. – М.: Издательство «Спарт», 1997. 188 с.

страны. Автор рассмотрел и процесс зарождения, начала современных реформ – политической борьбы в КНР по вопросам будущего страны, путей её модернизации, формирование курса «идти на двух ногах» в сфере гражданского права. Также, автор подробно исследует стартовые позиции нынешних реформ – Общие принципы гражданского права, принятые в 1986 году.

В работе обстоятельно раскрываются гражданско-правовые аспекты статуса основных субъектов хозяйственной и предпринимательской деятельности периода начавшихся реформ. Читатель знакомится с многоукладным характером китайской экономики и разнообразием субъектов хозяйственной и предпринимательской деятельности. Подробно анализируются правовые и организационные основы существования и функционирования государственных промышленных предприятий; досконально освещаются проблемы правового статуса коллективных предприятий (городских, волостных и деревенских, крестьянских паевых кооперативных предприятий). Дано развёрнутая характеристика предприятий с иностранным участием (совместных, кооперационных, чисто иностранных, предприятий специальных экономических зон). А также, рассмотрен правовой статус и динамика развития частных предприятий и предпринимательская деятельность граждан без образования юридического лица.

Специальный раздел посвящён исследованию договорных форм организации экономических отношений (хозяйственным договорам, подрядным договорам в промышленности и сельском хозяйстве, договорам арендного хозяйствования).

Общий вывод автора (на конкретный исторический период) гласил: хозяйственный механизм «социализма с китайской спецификой» активно облекается в гражданско-правовые формы, а гражданское право превращается в опосредующий инструмент

перевода национальной экономики на путь рыночного регулирования. На этом пути существуют многочисленные и непростые проблемы: постоянная борьба плана и рынка часто ведёт к сужению сферы действия гражданского права. И, тем не менее, заключает автор: «Расцвет гражданского права КНР впереди», развитие рыночной экономики КНР диктует и всё более широкое внедрение норм гражданского права в жизнь страны. Труд доктора Е.Г.Пашенко и ныне в своих прогнозах является пророческим.

Немало исследователей работает в «жанре» традиционного исторического исследования. Среди них есть и обобщающие, и специальные работы. Примером масштабной обобщающей работы в первую очередь может послужить труд д.ист.н. В.Н. Усова "История КНР"¹. Речь здесь идёт о втором томе данного труда, охватывающем период 1966 - 2006 гг. Это традиционное "историческое" исследование, раскрывающее процесс развития КНР в хронологической последовательности и охватывающее разнообразные сферы жизнедеятельности общества, – экономика, политическая борьба, культурная жизнь и т.д.

Основное внимание автора направлено на комплексное раскрытие процесса развития материально-технической и социально-культурной основы бытия страны, стабилизации и упорядочения общественно-политической жизни народа.

Так, подводя итоги развития страны к началу XX века, В.Н.Усов приводит убедительные данные о достижениях Китая в развитии производительного потенциала страны. Если в 1950-м году по объёму ВВП КНР занимала лишь пятое место в мире (4,5% общемирового ВВП), то в 1999 г. КНР прочно вышла на второе место (11,5%) после США. Рост показателей экспорта показывает, что экономика КНР

¹Усов В.Н. История КНР в 2 т. Т.II. 1996–2004 гг.:учебник/ В.Н.Усов – М.:АСТ – Восток-Запад, 2006, – 718 с.

растёт в конкуренции с мировым рынком, при этом доля продукции обрабатывающей промышленности в общем объёме экспорта выросла до 87,1%, в том числе доля продукции высокотехнологических отраслей – с 2,6% в 1980 г. до 22,4% в 2000 г., и т.д.

Своебразие историософских подходов автора становится более заметным, когда он касается вопроса о социальных формах реализации материально-культурного прогресса в КНР.

Это своеобразие отражается прежде всего в его периодизации истории КНР, которая выглядит к примеру так: 1979-82 гг. – "поиски руководством КНР реалистического пути развития и модернизации Китая"; 1982-84 гг. – "первые итоги урегулирования, достижение экономической стабильности"; 1984-1996 гг. – "второй этап реформ". «Начало структурных реформ» 1996 г. – ... "третий этап реформ". Как видно, определения характера эволюции имеют чисто этапный характер, не просматривается сквозное определение характера социальной эволюции.

Подобный подход, с одной стороны, согласуется с авторским пониманием общей стратегии развития КНР: стратегия соответствовала обстановке в КНР, она была нацелена на ускорение экономического и социального развития страны, сокращала её разрыв с развитыми странами мира. Во главу угла была поставлена как первостепенная цель задача – осуществляя реформы, достичь высокого экономического роста. Хотя автор и говорит местами о "постепенных рыночных преобразованиях", всё-таки основной проводимый им тезис – это материально-культурный прогресс, не имеющий строгой, чёткой привязки к социальным формам.

Отсутствие определённой чёткой оценки социального характера развития КНР – это тоже точка зрения. И суть её – КНР пока не сделала однозначного, чёткого необратимого выбора, вопрос о социальном строе КНР остаётся в реальной жизни открытым.

С другой стороны, очевидно, что авторская концепция В.Н.Усова стоит несколько особняком в сравнении с другими работами. Она отличается идейным, научным объективизмом в освещении процесса модернизации КНР. В конце концов, социальные формы имеют лишь частичную автономию во взаимосвязи с развитием материального производства, они зависимы и вторичны. А вот материально-культурный прогресс КНР – очевидный и бесспорный исторический факт.

В.Н. Усову принадлежат и масштабные специальные исторические исследования – биографии современных исторических деятелей, например, его труд «Дэн Сяопин и его время»¹ (2009 г.).

Завершающие главы обширного исследования посвящены наиболее важному и плодотворному периоду деятельности великого реформатора Китая. В рассматриваемый период Дэн Сяопин предстаёт как смелый и мудрый реформатор страны, сконцентрировавший свои усилия на налаживании, переустройстве всей хозяйственной жизни, как инициатор обогащения и совершенствования социально-экономической жизни Китая на путях внедрения и развития механизмов рыночной экономики.

Вместе с тем, подробно представляя Дэна как реформатора-рыночника, В.Усов показал и ту исключительно важную роль, которую сыграл Дэн в столь знаковом, критически важном событии как роль, реакция партийно-государственного руководства на массовые выступления в апреле-июне 1989 г. на площади Тяньаньмэнь. Усов приводит свидетельство Чэн Ицзы: «Дэн квалифицировал студенческие выступления как «антипартийные и антисоциалистические беспорядки.... Он заявил, что настоящие события не являются обычными студенческими выступлениями, мы имеем дело с политическими беспорядками, нацеленными на

¹ Усов В.Н. Дэн Сяопин и его время / М.: 2009 г., 872 с.

подрыв руководства со стороны КПК и отказ от социалистического строя»¹. В.Н.Усов показал, что позиция Дэна Сяопина сыграла исключительно важную роль в удержании КНР на пути прогрессивных реформ при сохранении стабильности государства, власти и общества, базовых устоев страны, недопущении разгула анархии и потери управляемости, соскальзывания в катастрофические процессы. В исследовании В.Усова Дэн Сяопин предстаёт как многогранный исторический деятель, до конца жизни оставшийся верным коренным идеалам социализма.

Весомым вкладом в изучение самой новейшей истории Китая являются труды и доктора исторических наук Ю.М.Галеновича.

Помимо многих научных трудов по проблемам внешней политики КНР, ему принадлежат и работы по проблемам идеологии и модернизационных процессов КНР сегодня. Его книги содержат богатейший фактический материал, позволяющий в бесчисленных красках увидеть, почувствовать реальный мир современного Китая. Уже одно это обстоятельство делает его труды ценнейшим источником информации для исследователей и всех читателей.

Одна из последних его работ «Чжао Цзыян и реформы в Китае»² (2012 г.) посвящена видному государственному деятелю КНР, сыгравшему важную роль в модернизации КНР, и в частности, выступившему в период волнений на площади Тяньаньмэнь 1989 года как сторонник углубления процессов либерализации.

Позиция Ю.М. Галеновича показательна, к примеру, когда он характеризует историческую роль Дэн Сяопина по одному конкретному вопросу – по Закону о предприятии, разделившем право собственности и право хозяйствования. Ю.М.Галенович пишет так: «Для Дэн Сяопина, для теневых «хозяев» партии, для её «старейшин»,

¹ Там же. с.749-750).

² Галенович Ю.М. «Чжао Цзыян и реформы в Китае» - М.: «СПСЛ»; «Русская панорама», 2012. – 752 с.

для значительной части правящего партийно-государственного аппарата, то есть для номенклатуры, для власть предержащих было важно иметь в руках рычаги, с помощью которых они надеялись вечно держать в своих руках политическую власть над Китаем. Такими рычагами могли выступать лозунги и термины: «социализм со своеобразием Китая (социализм со спецификой Китая)», «социалистическая рыночная экономика», а также сохранение права собственности официально и формально в руках государства, предоставление людям, частным лицам, семьям, коллективам только права управления и на предприятия и, что чрезвычайно важно, на землю»¹. Автор, таким образом, стремится указать на дуалистический характер китайской модернизации.

Его оценки мотивов, которыми руководствуются лидеры КНР, достаточно спорны. Тем не менее, богатейший часто уникальный фактический материал и аналитический опыт учёного делают книгу весьма ценным источником информации при изучении современного Китая.

Работы историков, хотя и отличаются многообразием подходов и точек зрения, тем не менее, помогают сформировать общую картину модернизации современного Китая. Но картина эта неизбежно сложна и многокрасочна, а главное – не завершенная.

Представленное здесь рассмотрение трудов российских китаеведов объективно не может претендовать на исчерпывающую полноту. Автор настоящего опуска стремился всего лишь представить, хотя бы упомянуть, наиболее репрезентативные работы наиболее видных авторов с целью выявить, обрисовать некоторый основной и общий для отечественной синологии последних лет интеллектуальный тренд.

¹ Там же. С.499

За последние 15-20 лет отечественная синология своими исследованиями смогла охватить широчайший тематический спектр вопросов, непосредственно затрагивающих процесс, проблематику так наз. «модернизации» КНР. Это и общефилософская и цивилизационная тематика (М.Титаренко, А. Салицкий, А.Виноградов), идеологические концепции (Л.Переломов, А.Лукъянов, Д.Смирнов), экономические процессы (В.Портяков, Я.Бергер, Э.Пивоварова, А.Островский), социальная трансформация (В.Ганшин, Ю.Галенович), процессы в политической жизни (Н.Мамаева, Л.Делюсин, К.Кокарев), правовое строительство (Л.Гудошников, Е.Пашенко), исторические исследования общего (В.Усов) и специального характера (Ю.Галенович), и многие другие.

Все представленные авторы основывают свои рассуждения на изучении оригинальных китайских источников, их глубоком объективно-научном анализе. Тем самым в науку был введен ценный информационный материал, серьёзно обогативший эмпирическое основание наших знаний о Китае.

В работах отечественных синологов просматривается и общность в понимании ряда явлений, и различия.

Все без исключения авторы признают выдающиеся достижения китайского народа в подъёме материально-культурного уровня страны, развитии науки и производства, успешное решение социальных задач, подъём благосостояния масс и культуры, укрепление богатства и могущества страны, рост международного авторитета КНР. Можно сказать, что «градуалистский» критерий, подход широко признан в кругу исследователей-синологов. Сторонники такого взгляда, что-де «пусть страна разрушается, народ нищает, зато у нас рынок и демократия» среди синологов практически не встречаются.

Основное разнообразие взглядов, различие концептуальных подходов и оценок наблюдаются в сфере понимания и характеристики

социальных форм и перспектив развития КНР, китайской «модели» развития. Многие авторы описывают происходящие перемены как «переход от командно-административной системы к рынку», т.е. именно как «модернизацию» (не только экономическую, но и социально-политическую). Им оппонируют авторы, которые придерживаются более сбалансированной точки зрения: Китай продолжает развиваться в русле своей главной исторической традиции, КНР остаётся страной социалистической, с мощным государственным сектором, развитие рынка и соответствующие социально-политические перемены обогащают экономическую, социальную, политическую действительность КНР, не изменяя его коренную природу, его про-социалистический, не-капиталистический строй и характер развития.

Эти разногласия отражают действительную сложность мирового развития – выбор человечества между «западной цивилизацией» и «евро-азиатским публицитетом». Есть и работы, которые обходят вниманием этот непростой теоретический выбор, ограничиваясь чисто «градуалистским» пониманием эволюции современного Китая.

Если суммировать взгляды отдельных учёных в некое гипотетическое единство, интегральную концепцию, то складывается картина – всё более рыночный и либеральный экономический и социальный базис страны, и, по-прежнему, традиционный, социалистический, консервативный общественно-политический строй. Подобное сочетание весьма распространено в современном мире, и называется оно – «неоконсерватизм».

Напрашивается вывод, что исследовательские труды отечественных синологов за последние 10-15 лет в совокупности способны представить широкую, объективную, многогранную научную картину состояния и развития современного Китая.